

Пир

Перевод прозы А. Г. Габричевского

Перевод канцон И. Н. Голенищева-Кутузова

Трактат второй

Канцона первая

*Вы, движущие третьи небеса,
Их разумея, мне внемлите тайно.
Я слышу - в сердце голос прозвучал,
Столь новый для других, необычайно.
Покорна вам небесная краса.
Я вашу власть и волю ощущал;
Ваш свет мне в сердце силу излучал.
Не скрою горести и упованья.
Высокий слух прошу я приклонить,
Чтоб мог испытанное вам открыть.
Души услышите скорбные рыданья.
Вот в спор вступает дух астральный с ней
В сиянье ваших действенных огней.
В скорбящем сердце мысль одна жила
И, сладостная, к высям устремлялась;
Внимало сердце, радостью дыша,
Как дама в царстве света прославлялась.
Звучала сладостно о ней хвала.
"К ней устремлюсь", - промолвила душа.
Но некий дух летел ко мне, спеша,
И эту мысль изгнал, овладевая
Всецело мной. Как трепет сердца скрыть?
Другую даму должен я хвалить.
Дух говорит: "В ней путь к сиянью рая.
Кто не боится вздохов и трудов,
Всегда глядеть в ее глаза готов".
Противоречья разрушает он
И мысль смущенную, что говорила*

*О юном ангеле на небесах.
Душа рыдает, скорбь ее пленила.
"Чем утешитель добрый мой смущен,
Зачем бежит?" - сказала вся в слезах
И о моих промолвила глазах:
"Зачем на них взглянула эта дама?
Зачем не верила словам о ней?
В ее очах сокрыт, владыка дней
Подобных мне разит стрелою прямо.
И сил во мне, как перед смертью, нет
Не созерцать меня палящий свет". -
"Ты не мертва, а лишь поражена,
Моя душа, лежишь, изнемогая,-
Любовный малый дух проговорил,-
обою правит госпожа благая;
Ее влияньем преображена,
Страшишься только власти низких сил.
Смотри, смиренный облик дамы мил.
И сострадательна, и куртуазна
Премудрая. Величия полна,
Пусть над тобою властвует она
И будет в чудесах многообразна.
И скажешь ты: "Владыка дней, Амор,
Готова выслушать твой приговор".
Канцона, будут редки, мнится мне,
Те, кто твоим ученьем наслаются,-
Столь труден, столь возвышен твой язык.
Но коль тебе придется повстречаться
С тем, кто твоим стремленьям чужд вполне,
Утешься,- пусть он в тайну не проник,
Скажи ему, являя новый лик,
Покорный гармоническому строю:
"О, полюбуйся хоть моей красою!"*

I.

После вступительного рассуждения в предыдущем трактате мною, распорядителем пира, хлеб мой уже подготовлен достаточно. Вот время зовет и требует, чтобы судно мое покинуло гавань; посеми, направив парус разума по ветру моего желания, я выхожу в открытое море с надеждой на легкое плавание и на спасительную и заслуженную пристань в завершение моей трапезы¹. Однако, чтобы угощение мое принесло больше пользы, я, прежде чем появится первое блюдо, хочу показать, как должно его вкушать.

Я говорю, что, согласно сказанному в первой главе², это толкование должно быть и буквальным и аллегорическим. Для уразумения же этого надо знать, что писания могут быть поняты и должны с величайшим напряжением толковаться в четырех смыслах³. Первый называется буквальным, [и это тот смысл, который не простирается дальше буквального значения вымышленных слов,- таковы басни поэтов. Второй называется аллегорическим]⁴; он таится под покровом этих басен и является истиной, скрытой под прекрасной ложью⁵; так, когда Овидий говорит, что Орфей своей кифарой укрощал зверей⁶ и заставлял деревья и камни к нему приближаться, это означает, что мудрый человек мог бы властью своего голоса укрощать и усмирять жестокие сердца и мог бы подчинять своей воле тех, кто не участвует в жизни науки и искусства; а те, кто не обладает разумной жизнью, подобны камням. В предпоследнем трактате⁷ будет показано, почему мудрецы прибегали к этому сокровенному изложению мыслей. Правда, богословы понимают этот смысл иначе, чем поэты; но здесь я намерен следовать обычаю поэтов и понимаю аллегорический смысл согласно тому, как им пользуются поэты. Третий смысл называется моральным⁸, и это тот смысл, который читатели должны внимательно отыскивать в писаниях на пользу себе и своим ученикам. Такой смысл может быть открыт в Евангелии, например когда рассказывается о том, как Христос взошел на гору, дабы преобразиться, взяв с собою только трех из двенадцати апостолов, что в моральном смысле может быть понято так: в самых сокровенных делах мы должны иметь лишь немногих свидетелей.

Четвертый смысл называется анагогическим, то есть сверхсмыслом⁹, или духовным объяснением писания; он остается [истинным] также и в буквальном смысле и через вещи означенные выражает вещи наивысшие, причастные вечной славе, как это можно видеть в том псалме Пророка¹⁰, в котором сказано, что благодаря исходу народа Израиля из Египта Иудея стала святой и свободной. В самом деле, хотя и очевидно, что это истинно в буквальном смысле, все же не менее истинно и то, что подразумевается в духовном смысле, а именно что при выходе души из греха в ее власти стать святой и свободной. Объясняя все это, смысл буквальный всегда должен предшествовать остальным, ибо в нем заключены и все другие и без него было бы невозможно и неразумно добиваться понимания иных смыслов, в особенности же аллегорического. Это невозможно потому, что в каждой вещи, имеющей внутреннее и внешнее, нельзя проникнуть до внутреннего, если предварительно не коснуться внешнего; и так как [буквальное значение] есть всегда внешнее, невозможно понять иные значения, в особенности аллегорическое, не обратясь предварительно к буквальному. Далее, это невозможно и потому, что в каждой вещи, как созданной природой, так и созданной с помощью искусства, невозможно обратиться к форме прежде, чем будет определено содержание, на котором должна зиждиться форма¹¹, подобно тому как невозможно получить форму золота, если материя, то есть его субъект, не выработана и не заготовлена¹²; или получить форму ящика, если материя, то есть дерево, предварительно не выработана и не заготовлена. Буквальное значение всегда служит предметом и материей для других, в особенности для аллегорического. Поэтому невозможно достигнуть познания других значений, минуя познание буквального. Далее, это невозможно и потому, что в каждую вещь, будь то создание природы или рук человеческих, невозможно углубиться, не заложив предварительно основания, как в доме или в науке; и так как доказательство есть обоснование науки, а буквальное доказательство есть

основание других доказательств, в особенности же доказательства аллегорического, то невозможно приступить к другим, минуя буквальное.

Далее, если даже допустить, что так поступить возможно, то это было бы неразумно и не по порядку, а потому путь этот был бы очень трудным и сопряженным с очень многими ошибками. Следовательно, как говорит Философ в первой книге "Физики", природа требует, чтобы познание наше продвигалось по порядку, а именно от того, что мы знаем лучше, к тому, что мы знаем менее хорошо; я утверждаю, что природа этого требует, поскольку такой путь познания присущ нам от рождения. А потому, если другие смыслы, кроме буквального, менее понятны, а они, как это вполне очевидно, менее понятны, - было бы неразумным приступать к их обоснованию прежде, чем будет обоснован буквальный. Итак, исходя из этих соображений, я буду по поводу каждой канцон по порядку рассуждать сначала о буквальном значении, а после него о ее аллегории, то есть о сокровенной истине; а иной раз я при случае коснусь и других смыслов в зависимости от требований времени и места¹³.

II.

Итак, приступая, я говорю, что звезда Венера на своем круге¹, на котором она в разное время кажется то вечерней, то утренней, уже дважды успела обернуться с тех пор, как преставилась блаженная Беатриче², обитающая на небе с ангелами, а на земле с моей душой, когда перед глазами моими предстала в сопровождении Амора и заняла некое место в моих помыслах та благородная дама, о которой я упоминал в конце "Новой Жизни"³. И, как мною было объяснено в упомянутой малой книге, мое согласие ей принадлежать проистекало скорее из ее благородства, чем из моего выбора; в самом деле, она казалась настолько одержимой жалостью к моей осиротелой жизни, что духи очей моих с ней особенно подружились. Подружившись же, они преобразили ее во мне настолько, что моя благорасположенная к ней душа охотно согласилась подчиниться ее образу. Но так как любовь не сразу рождается, растет и достигает своего совершенства, а требует некоторого времени и пищи для раздумий, в особенности в тех случаях, когда ей мешают враждебные мысли, то прежде, чем созрела во мне эта любовь, потребовалось великое бореие между мыслью, ее питавшей, и мыслью, ей противоборствующей, которая в образе прославленной Беатриче еще удерживала за собой твердыню моих помыслов. Ибо одну мысль во внешнем и в настоящем непрестанно поддерживало [зрение], а другую мысль во внутреннем и в прошлом - память⁴. И поддержка во внешнем увеличивалась с каждым днем, а во внутреннем ослабевала, одолеваемая той, которая всячески препятствовала мне оглянуться назад; это состояние показалось мне настолько удивительным и нестерпимым, что вынести его я не смог. И вот, как бы восклицая и желая оправдаться в непостоянстве, изболчившем во мне недостаточную стойкость, я направил свой возглас в ту сторону, откуда победоносно наступала новая мысль, всесильная, как сила небесная, и я начал свою речь со слов: "Вы, движущие третьи небеса..."

Для лучшего понимания намерений этой канцонны надлежит прежде всего распознать ее составные части. Чтобы больше не предпосылать подобные слова объяснению дальнейших канцон, я предупреждаю, что порядок, который будет принят в настоящем трактате, я намереваюсь соблюдать и во всех остальных.

Итак, я говорю, что предлагаемая канцона распадается на три главные части. Первую из них составляет первая строфа: в ней некие интеллигенции, или, выражаясь более обычно, ангелы⁵, призываются внимать тому, что я намереваюсь высказать. Эти ангелы управляют вращением неба Венеры и являются его двигателями. Вторая часть состоит из трех строф, следующих за первой. В ней открывается то, что внутри, в области духовной, можно было услышать в разговоре между

разными мыслями. Третья - это пятая и последняя строфа; в ней автор обращается к самому произведению как бы для того, чтобы его ободрить. И, как уже говорилось выше, все эти три части должны быть объяснены по порядку.

III.

Чтобы в первой из перечисленных частей легче было рассмотреть буквальное значение, о котором сейчас и пойдет речь, надо знать, кого я призываю быть моими слушателями и число их, а также что это за третье небо, которое ангелы, по моим словам, приводят в движение. Прежде всего я скажу о небе, а затем уже о тех, к кому я обращаюсь. И хотя об истинности всего этого мало что можно узнать, однако то немногое, что в них усматривается человеческим разумом, доставляет большую радость, чем многое и достоверное в вещах, о которых судят по чувственному опыту, - если верить мнению Философа, высказанному в книге "О живых существах"¹.

Итак, я утверждаю, что о числе небесных сфер и об их расположении многими высказывались различные мнения, хотя в конце концов истина и была найдена. Аристотель, опираясь лишь на древние грубые мнения астрологов, считал, что существует только восемь небес², из которых крайнее и всеобъемлющее - то, где находятся неподвижные звезды, а именно восьмое небо, и что вне его никакого другого нет. Далее, он считал, что небо Солнца непосредственно следует за небом Луны, то есть находится от нас на втором месте³. Это столь ошибочное мнение всякий, кто пожелает, может найти во второй книге "О небе и Вселенной", то есть во второй книге о природе. Правда, Аристотель от этого отрекается в двенадцатой книге "Метафизики", где он и разъясняет, что всякий раз, когда ему приходилось говорить об астрологии, он следовал лишь чужому мнению.

После него Птолемей⁴ заметил, что восьмая сфера движется в нескольких направлениях. Он увидел, что орбита ее отклоняется от той правильной орбиты, по которой все обращается с востока на запад, и, наконец, вынуждаемый к тому началами Философии, непременно требующей наличия простейшего перводвигателя, предположил существование еще одного неба, находящегося за пределами неба звезд и совершающего именно это обращение с востока на запад. Я утверждаю, что обращение это совершается примерно в двадцать четыре часа, а именно, по грубому подсчету, в [двадцать три часа] и четырнадцать пятнадцатых часа⁵. Итак, по мнению Птолемея и по признанию астрологов и философов, после того как эти движения были установлены, существует девять подвижных небес. Расположение этих небес обнаружено и определено согласно тому, что искусство, именуемое Перспективой⁶, а также арифметика и геометрия показали чувствам и разуму: благодаря чувственным и зрительно осязаемым опытам⁷ стало очевидно, что во время затмения Солнца Луна находится ниже Солнца. По свидетельству Аристотеля⁸, видевшего это собственными глазами (судя по тому, что он говорит во второй книге "О небе и Вселенной"), молодая Луна проходила под Марсом своей неосвещенной стороной, Марс же оставался скрытым, пока вновь не появлялся с другой, освещенной стороны Луны, обращенной на запад.

Порядок же расположения таков, что первое по счету небо - это небо Луны; второе - Меркурия; третье - Венеры; четвертое - Солнца; пятое - Марса; шестое - небо Юпитера; седьмое - Сатурна; восьмое - небо звезд; девятое небо⁹ воспринимается не чувственно, но лишь через то движение, о котором говорилось выше; многие называют это небо Кристалльным, то есть просвечивающим или насквозь прозрачным. За пределами всех этих небес католики помещают еще одно небо - Эмпирей¹⁰, иначе говоря, небо пламенеющее, или светоносное, и полагают, что оно неподвижно, имея в себе, в каждой своей части, то, что необходимо его составу. Это и служит причиной того, что Перводвигатель обладает быстрейшим движением; в самом деле, благодаря пламеннейшему желанию, которым охвачена каждая часть девятого неба, непосредственно ему предшествующего,-

желанию воссоединиться с каждой частью Божественнейшего покоящегося неба,- девятое небо в нем и вращается с такой силой желания, что скорость его почти непостижима. Место, где пребывает это высшее Божественное начало, созерцающее только собственное совершенство, спокойно и безмятежно. Это - местопребывание блаженных духов, по мнению святой церкви, которая не может сказать ложное; да и Аристотель, если правильно его понимать, видимо, намекает на это в первой книге "О небе и Вселенной". Это и есть постройка, венчающая Вселенную, в которую она вся и включена и за пределами которой нет ничего; и она не имеет никакого места¹¹, но была создана только в Первом Уме, именуемом греками "Протоноз"¹². Это и есть то великолепие, о котором говорил Псалмопевец, обращаясь к Богу: "Слава Твоя простирается превыше небес!"¹³ Итак, подводя итог всему сказанному,- существует десять небес. Из них небо Венеры - третье. О нем упоминается в той части канцоны, которую я намереваюсь объяснить.

Надо помнить, что каждое небо, находящееся под Кристалльным, обладает двумя собственными неподвижными полюсами¹⁴; в девятом же они неподвижны и устойчивы во всех отношениях. И любое из них, как девятое, так и все остальные, имеет некую окружность, которую можно назвать экватором; экватор этот в каждой части своего обращения равномерно отстоит от обоих полюсов, в чем может на опыте убедиться всякий, вращая яблоко или любое другое шаровидное тело. В каждом небе эта окружность имеет большую быстроту движения, чем любая другая его точка, в чем любой внимательный наблюдатель легко может убедиться. Части сферы движутся тем быстрее, чем ближе расположены они к экватору, и тем медленнее, чем дальше они от него и ближе к полюсу, так как путь обращения становится короче, но должен быть пройден в то же время, что и более длинный. Я утверждаю также, что, чем ближе небо к окружности своего экватора, тем оно благороднее по сравнению со своими полюсами, так как вблизи оно обладает большей подвижностью, большей действенностью, большей оживленностью, большим разнообразием форм, становясь в большей степени причастно тому, что выше него и что, следовательно, обладает и большими достоинствами. Поэтому и звезды неба звезд исполнены по отношению друг к другу тем больших достоинств, чем они ближе к этой окружности [к экватору].

С наружной стороны этой окружности в небе Венеры, о котором сейчас идет речь, помещается небольшая сфера, которая вращается в этом небе сама по себе и орбиту которой астрологи именуют эпициклом¹⁵. И, подобно большей сфере, эта малая сфера обращается вокруг двух полюсов. Малютка эта также имеет экватор и также по мере приближения к нему становится более благородной; на дуге или с наружной стороны этой окружности и укреплена лучезарная звезда Венера. И хотя и было сказано, что существует, строго говоря, лишь десять небес, число это все их не охватывает; в самом деле, эпицикл, на котором укреплена звезда, есть самостоятельное небо (или сфера), не единосущное своему носителю, хотя по природе своей более родственное ему, чем другим; вместе с ним оно именуется небом, и как то, так и другое ведут свое название от звезды. О том, каковы другие небеса и другие звезды, я сейчас рассуждать не буду; достаточно того, что было сказано об истинном строении третьего неба, которое я в настоящее время имею в виду. О нем исчерпывающим образом было сказано все, что здесь было нужно.

IV.

После того как в предыдущей главе было сказано о третьем небе и о внутреннем его расположении, остается показать, кто приводит его в движение. Прежде всего следует запомнить, что двигатели этих небес не что иное, как субстанции, отделенные от материи, то есть интеллекты; в просторечии люди называют их ангелами¹. О созданиях этих, как и о небесах, люди придерживались разных мнений, хотя истина и была наконец найдена. Некоторые философы, к которым, по-видимому,

относится и Аристотель², если судить по его "Метафизике" (хотя в первой книге "О небе и Вселенной" он иногда, как нам кажется, придерживается и другого мнения), полагали, что этих созданий столько же, сколько видов вращения в небесах, и не более, утверждая, что другие ангелы оказались бы во веки веков излишними и бездейственными, что было бы невозможным, поскольку их деятельность и есть их бытие. Другие, и среди них превосходнейший муж Платон, полагали, что число интеллектов соответствует не только множеству небесных движений, но также количеству видов вещей (то есть свойств вещей), подобно тому как все люди составляют один вид, другой вид составляет все золото, а еще другой - все, что широко, и так во всем существующем. И они утверждали, что, подобно тому как небесные интеллекты являются творцами этих небес³, каждый из них сотворил свое небо; так же точно интеллекты эти порождают и другие вещи и прототипы, каждый из них творя свой вид. Платон называет их "идеями", иначе говоря, всеобщими формами, или универсальными началами. Язычники именовали их богами и богинями, хотя и понимали их не столь философично, как Платон⁴. Они поклонялись их изображениям и строили для них огромные храмы; для Юноны, которую они называли богиней Могуущества; для Паллады или Минервы, которую они называли богиней Мудрости; и равным образом для Вулкана, которого они называли богом Огня, и для Цереры, которую они называли богиней Злаков. Обо всем этом свидетельствуют поэты, которые до известной степени открывают нам обычаи язычников, их жертвоприношения, их верования. Об этом же свидетельствуют многие древние имена и названия мест и древних построек, как в этом легко может убедиться каждый желающий.

И хотя эти воззрения и были основаны на человеческом разуме и на достаточно веском опыте, все же истину они не обнаружили из-за недостатка как разумных доводов, так и наставлений; между тем достаточно одного только разума, чтобы убедиться, что названные выше создания должны существовать в гораздо большем числе, чем проявления их, могущие быть воспринятыми людьми. Один из этих доводов следующий. Никто - ни философ, ни язычник, ни иудей, ни христианин, ни любой еретик - не сомневается, что создания эти, все без исключения или большая их часть, преисполнены блаженства⁵ и что эти блаженные создания пребывают в совершеннейшем состоянии. Если на земле человек обладает не только одним видом блаженства, но двумя, а именно блаженством жизни общественной и блаженством жизни созерцательной, было бы неразумным считать, что эти создания обладают лишь жизнью деятельной, то есть общественной, участвуя в управлении миром, а не обладают жизнью созерцательной, которая более совершенна и ближе к Божественному. Так как создания, обладающие блаженством управления, не могут обладать другим блаженством, ибо интеллект един и вечен, надлежит существовать другим, вне этих обязанностей живущим лишь размышлением. А так как жизнь созерцательная ближе к Божественной, а чем нечто более Божественно, тем оно более похоже на Бога, то очевидно, что такая жизнь угоднее Богу; а раз она угоднее, то и способность блаженствовать отпущена ей более щедро; а раз она отпущена более щедро, то и живых созданий ей было дано больше, чем другой. Отсюда следует заключить, что очень велико число этих созданий, особенно по сравнению с тем, что обнаруживается в их проявлениях. И это не противоречит тому, что говорит Аристотель в десятой книге "Этики", будто субстанциям, отделенным от материи, подобает жизнь только созерцательная. И хотя им и подобает жизнь только созерцательная, все же из самого созерцания некоторых из этих субстанций и вытекает вращение небес⁶, а это относится к управлению Вселенной; Вселенная же уподобляется упорядоченному государству, задуманному в созерцании его двигателей.

Приведем еще один довод: ни одно действие не бывает больше своей причины, ибо причина не может дать того, чего она не имеет; и так как Божественный разум есть причина всего, а в особенности человеческого разума, то ум человеческий его не превышает, но несоразмерно превышен им. Итак, если мы, на основании вышеприведенных доводов и многих других полагаем, что Бог мог сотворить бесчисленные духовные создания, очевидно, что Он сотворил еще большее их число. Можно привести много других доводов, но сейчас достаточно и этих.

И пусть никто не удивляется, если эти и другие доступные нам положения не были нами доказаны до конца, ибо мы все равно должны любоваться совершенством этих созданий, совершенством, ослепляющим очи человеческого разума, как говорит философ во второй книге "Метафизики"⁷, и не можем не утверждать их бытие. И хотя мы не имеем о них никакого чувственного представления (от которого и начинается наше познание), все же в наш разум проникает какой-то свет от их животворящей сущности, поскольку мы усваиваем те доводы, которые были здесь высказаны, а также многие другие; не так ли человек с закрытыми глазами утверждает, что он видит свечение воздуха благодаря скудному сиянию или слабому лучу, подобному тому, который проникает через веки летучей мыши; не так ли закрыты наши умственные очи, пока душа наша связана и пленена органами нашего тела.

V.

Древние не усматривали истинного существования духовных созданий из-за недостатка наставлений, хотя народ Израиля и имел поучающих в лице своих пророков, "в которых,- как говорит Апостол¹, - Бог многократно и многообразно говорил издревле отцам". Нас же в этом наставлял пришедший от Того, Кто создал эти существа и Кто хранит их,- нас поучал Владыка Вселенной, Христос, сын Бога Всевышнего и Марии Девы, естеством женщины и дочери Иоакима и Адама²; будучи человеком, Он умер за нас и этим даровал нам жизнь вечную. "И свет во тьме светит, и тьма не объяла его"³, - говорит евангелист Иоанн; он изрек нам истину, и без него мы не могли бы иметь ни истинного знания, ни истинного лицемерия.

Первое, что он нам показал, и первая тайна, которую Бог нам раскрыл, было явление одного из вышеназванных духовных созданий; это был великий Его посланец, посетивший от имени Небесного Целителя юную тринадцатилетнюю отроковицу. Спаситель собственными устами возвестил, что Отец мог дать Ему много легионов ангелов; и Он не отрицал, когда Ему было сказано, что Отец заповедал ангелам Своим служить Ему и охранять Его. Поэтому нам известно, что духовных созданий этих существует бесчисленное множество; недаром святая церковь, Его невеста и доверенная (о которой Соломон вопрошал: "Кто это восходит от пустыни..."⁴) - полная угод, опираясь на своего возлюбленного, говорит, верует, проповедует, что благороднейшим этим созданиям несть числа. Она делит их на три иерархии, иначе говоря, на три Святых или Божественных начала, и каждая иерархия в свою очередь имеет три чина; таким образом, церковь полагает и утверждает три чина духовных созданий. Первый - это чин ангелов, второй - архангелов, третий - престолов⁵; и эти три чина составляют первую иерархию: не первую по благородству и по времени их создания (ибо есть много других благородных и все они были созданы единовременно), но первую по порядку нашего подъема до их высоты. Далее следуют господства; за ними силы; затем начала; и они образуют вторую иерархию. Над ними - могущества, херувимы, и над всеми - серафимы; и последние три образуют третью иерархию. Их размышления о Боге имеют мощь, соответствующую числу их иерархии и числу их чина. В самом деле, так как Божественное Величие заключено в трех ипостасях, обладающих единой сущностью, то и созерцать их можно трояко. Так, возможно созерцание Высшего Могущества Отца; к нему направлена первая иерархия, то есть первая по благородству и последняя в нашем перечне. Можно созерцать и Высшую Премудрость Сына; к ней направлена вторая иерархия. Можно, наконец, созерцать Высшую и пламенеющую Любовь Духа Святого; и к ней устремлена последняя иерархия, которая, как самая близкая, передаст нам дары, которые она приемлет. А так как каждая ипостась Божественной Троицы может быть рассматриваема трояко, в каждой иерархии существуют три чина, созерцающие по-разному. Можно рассматривать Отца только в отношении Его Самого, и таково созерцание серафимов, которые в Первопричине видят больше, чем любая другая ангельская природа. Можно рассматривать Отца в Его отношении к Сыну, а именно, как Сын от Него отделяется и с Ним воссоединяется; и это созерцают херувимы. Можно также рассматривать Отца в зависимости от того, как из Него исходит Дух Святой, и как Он от Него отделяется, и как Он с Ним воссоединяется; и таково созерцание

могуществ. И таким же способом можно рассуждать и о Сыне, и о Святом Духе; поэтому должны существовать девять разновидностей созерцающих духов для лицезрения того света, который полностью видит только самого себя.

Об одном здесь умолчать нельзя. Я говорю, что некоторые из этих ангельских чинов были низвергнуты, как только были созданы, быть может, в числе одной десятой части; для восполнения их и был потом создан род человеческий⁶. Об этих числах, чинах и иерархиях повествуют подвижные ебеса, коих девять, десятое же как раз и возвещает единство и устойчивость Божественного начала⁷. Поэтому и говорит Псалмопевец: "Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь"⁸. Разумно предположить, что двигатели неба Луны принадлежат к чину ангелов, двигатели Меркурия - к чину архангелов, а Венеры - к чину престолов. Порожденные любовью Духа Святого, выявляют они действия, им присущие, а именно создают движения данного неба, полного любви. В этом небе обретает свой облик некое добродетельное пламя, силу которого души возгораются любовью сообразно со своей готовностью ее воспринимать⁹. А так как древние заметили, что это небо здесь на земле является причиной любви, они объявили Бога Амора сыном Венеры, как о том свидетельствует Вергилий в первой песни "Энеиды", где Венера так обращается к Амору: "Сын мой, сила моя, сын Всевышнего Отца, презревший стрелы Тифея"¹⁰; и Овидий в пятой книге "Метаморфоз", где он говорит, что Венера сказала Амору: "Сын мой, оружие мое, сила моя"¹¹. Престолы, которым поручено управление небом Венеры, немногочисленны; о числе их философы и астрологи придерживаются различного мнения в зависимости от того, как они смотрят на его круговращение; хотя все они сходятся на том, что этих духовных существ столько, сколько существует движений третьего неба. В книге "О скоплении звезд"¹² на основании лучших выкладок, произведенных астрологами, установлено, что движений этих три: первое, соответствующее движению звезды по своему эпициклу; второе, сообразно движению эпицикла вместе со всем небом и равным образом с небом Солнца; третье, соответствующее движению данного неба, которое следует за движением звездной сферы с запада на восток на один градус за сто лет. Таким образом, эти три движения имеют каждый по одному двигателю. Все небо движется и вращается вместе с эпициклом с востока на запад один раз в сутки; один Бог ведает, проистекает ли это движение от какого-нибудь интеллекта или же оно во власти Перводвигателя; мне кажется, что судить об этом было бы с моей стороны самонадеянностью. Эти двигатели порождают круговращение только тем, что его понимают, и только в той сфере, которую каждый из них приводит в движение¹³. Благороднейшая форма неба, несущего в себе начало этой пассивной природы¹⁴, вращается от соприкосновения с движущей силой, которая обладает даром разума; я говорю о соприкосновении, но не телесном, а движении от касания той силы, которая на это направлена. И к этим двигателям, с которыми предполагается вступить в разговор, я обращаю мою мольбу.

VI.

В третьей главе настоящего трактата сказано, что для понимания первой части рассматриваемой канцоны следовало бы повести речь об упомянутых небесах и об их двигателях¹, о чем и шла речь в предыдущих трех главах. Так, я обращаюсь к тем, кто, как я показал, являются подателями движения небу Венеры: "Вы, движущие третьи небеса, / Их разумея..." - то есть сообщающие движение только силою разума. И я говорю "Внемлите" не для того, чтобы они услышали какой-нибудь звук, которого они не воспринимают, но имея в виду тот слух, которым они одарены, то есть способность понимания при помощи интеллекта. Я говорю затем: "Я слышу - в сердце голос прозвучал..." - а именно внутри меня, так как извне он еще не проявился.

Надо помнить, что в этой канцоне, согласно как первому, так и второму смыслу, слово "сердце" обозначает только сокровенное и внутреннее, а не какую-либо иную, особую часть души и тела. После того как я призвал движущих третье небо выслушать меня, я привожу два основания, почему мне надлежит говорить с ними соответствующим образом. Во-первых, по причине новизны моего состояния, которое, не будучи испытано другими людьми, не было бы для них понятным, так как они воспринимают лишь последствия своих поступков; это основание я и имею в виду, когда говорю: "...столь новый для других..." Во-вторых, замечу следующее: когда человек получает благодеяние или оскорбление, он первым долгом, если может, обязан сообщить об этом тому, кто этому является причиной, а не другим, с тем чтобы - если это благодеяние - тот, кто его получил, проявил свою благодарность благодетелю; а если это оскорбление - чтобы потерпевший сладостными речами склонил оскорбителя к проявлению сердечности. Об этом я и говорю в следующих словах:

"Я вашу власть и волю ощущал;
Ваш свет мне в сердце силу излучал".

Иначе говоря, ваши действия, а именно ваше круговращение, и ввергли меня в настоящее мое состояние. Поэтому я и говорю, что мое обращение к этим сознаниям должно быть таковым, как было сказано, а именно:

"Не скрою горести и упованья.
Высокий слух прошу я приклонить,
Чтоб мог испытанное вам открыть".

И после того, как я привел доводы, я прошу их меня понять и говорю: "Души услышьте скорбные рыдания". Известно, что, произнося речь, я должен прежде всего позаботиться о том, чтобы убедить своих слушателей, что достигается украшением; это и есть начало всех других способов убеждения, хорошо известное риторам². Самое же сильное убеждение - обещание сказать новые и очень важные вещи, чтобы привлечь внимание аудитории; я, по просьбе слушателей, и перехожу к этому способу убеждения, то есть к украшению, возвещая им свое намерение сказать о новом, а именно о противоречии в моей душе, и также о важном - о мощи их звезды. И это я и выражаю в последних словах первой части:

"Души услышьте скорбные рыдания.
Вот в спор вступает дух астральный с ней
В сиянье ваших действенных огней".

Для полного понимания этих слов скажу, что упомянутый [дух] не что иное, как постоянная мысль о том, как бы возвеличить и украсить новую даму, о которой идет речь³; душою же названа некая другая мысль, сопровождаемая согласием, которая, восставая против первой, возвеличивает и украшает память о прославленной Беатриче⁴. Но так как разум в своем последнем волеизъявлении, то есть в согласии, все еще придерживался мысли, которую подкрепляла память, я называю одну мысль душою, а другую духом, подобно тому как городом мы называем тех, кто им управляет, а не

тех, кто с ним борется, хотя и те и другие - горожане⁵. Я говорю также, что упомянутый дух появляется вместе с лучами звезды; ибо надо знать, что лучи каждого неба - это путь, по которому сила небес нисходит к земным созданиям. Лучи не что иное, как некое сияние, исходящее из светоносного начала и проходящее через воздух до освещенного предмета; источником же света является часть звезды, так как остальное небо просвечивает, то есть оно прозрачно. Вот почему я говорю, что этот дух, то есть эта мысль, исходит не из всего третьего неба, но только из звезды Венеры. Она же благодаря благородству ее двигателей обладает величайшей властью над нашими душами и над другими нашими свойствами, несмотря на то, что даже при наибольшем приближении к земле она отстоит от нас на сто шестьдесят семь земных радиусов⁶, если не больше, считая радиус равным трем тысячам двумстам пятидесяти милям. Таково буквальное толкование первой части канцоны⁷.

VII.

Сказанных выше слов достаточно, чтобы можно было понять буквальный смысл первой части канцоны¹. Перехожу ко второй, в которой обнаруживается испытанный мною внутренний разлад. Эта часть имеет два раздела: в первом, то есть в первой строфе, я описываю, откуда происходят свойства этих происходящих во мне разногласий; далее, во второй строфе этой части, или третьей строфе всей канцоны, я привожу слова обеих сторон, однако в первую очередь слова той стороны, которая проигрывала².

Чтобы смысл первого раздела стал очевидным, надо знать, что название вещей должно соответствовать наиболее благородной стороне их существа, подобно тому как название человека соответствует его разуму, а не его чувству или чему-либо другому, менее благородному. Поэтому, когда говорят, что человек живет, следует понимать, что он пользуется своим разумом, в чем и заключается его особая жизнь и проявление наиболее благородной стороны его существа. Отсюда следует, что тот, кто отклоняется от разума и пользуется только чувственной стороной своего существа, живет не как человек, а как скотина; по словам отменнейшего Боэция, "живет как осел"³. Я смело утверждаю, что, поскольку мышление есть действие, свойственное разуму, постольку животные, разумом не обладающие, и не мыслят, причем я имею в виду не только низших животных, но и тех, которые, имея облик человека, дух имеют овцы или какого-либо другого отвратительного животного. Итак, я говорю, что жизнь моего сердца, то есть моего внутреннего существа, сводилась обычно к одной сладостной мысли (soave то же, что suaso⁴, а именно ставший прекрасным, сладостным, приятным и улаждающим), мысли, не раз пребывавшей у ног Господина тех, к кому я обращаюсь, то есть Бога; иначе говоря, я, мысля, созерцал царство блаженных. Я называю конечную причину, почему я возносился горей, когда говорю:

"...внимало сердце, радостью дыша,

Как дама в царстве света прославлялась",

чтобы дать понять, что ее благодатное явление убеждало и убеждает меня в том, что она на небе. Я, часто думая о том, что это узрение стало для меня возможным, ходил как бы вознесенный в небеса.

Далее я показываю действие этой мысли, чтобы дать представление, сколь сладостна она была, ибо сила ее заставляла меня мечтать о смерти и стремиться туда, где обреталась дама. Об этом я говорю в следующих словах:

"Звучала сладостно о ней хвала.

"К ней устремлюсь",- промолвила душа".

Такова причина одного из разногласий, бывшего во мне. И надо заметить, что здесь о возносившемся для лицемерия блаженной говорится "мысль", а не "душа", ибо это была мысль, особо направленная, соответствующая действию. "Душа", как говорилось в предыдущей главе, обозначает мысль вообще в сочетании с согласием.

Далее, когда я говорю: "Но некий дух летел ко мне, спеша, / И эту мысль изгнал..." - я вскрываю причину другого разногласия, ибо, подобно тому как эта возвышенная мысль стала самой моей жизнью, так же точно появляется и другая мысль, прекращающая первую. И я говорю "изгнал", желая показать, что это - противоположность, ибо одна противоположность естественно бежит от другой и та, что бежит, свидетельствует о том, что она удаляется из-за своей недостаточной силы. Я утверждаю, что эта вновь появившаяся мысль достаточно сильна, чтобы захватить меня и покорить всю душу, и настолько властна, что сердце мое, все мое внутреннее трепещет, а мое внешнее обнаруживает это в новом, изменившемся моем облике.

Вслед за этим я показываю силу этой новой мысли через ее действие, говоря, что она заставляет меня любоваться некой дамой и произносит соблазнительные слова, то есть рассуждает перед очами моей умственной страсти, чтобы легче меня склонить, обещая мне, что в ее взоре - спасительное свойство. И чтобы умудренная душа легче могла поверить, новая мысль говорит, что человек, "боящийся вздохов и трудов", не должен смотреть в глаза этой дамы. Отличный риторический прием, употребленный тогда, когда кажется, что внешне вещь как бы теряет свою красоту, внутри же становится поистине еще красивее. Новая любовная мысль не могла лучше убедить мой ум согласиться с ней и принять ее, чем она это сделала глубоким рассуждением о силе, таящейся в очах дамы.

VIII.

Когда было показано, как и почему рождается любовь и как боролись во мне противоречия, надлежит приступить к раскрытию смысла той части, в которой во мне борются различные помышления. Сначала следует сказать о том, что касается души, о прежней моей мысли, а потом уже о последней, прибегая главное на конец¹; ибо то, что говорится в заключение, лучше запечатлевается в уме слушателя. Итак, я собираюсь рассуждать скорее о том, что создается действием тех, к кому я обращаюсь, чем о том, что их действием разрушается, потому разумно сначала обсудить состояние стороны, которая распадалась, и лишь потом той, которая зарождалась².

Говоря по правде, здесь возникает сомнение, мимо которого нельзя пройти, не разъяснив его. Иной мог бы сказать: "Поскольку любовь есть действие тех разумных существ, к которым я обращаюсь, а первая любовь тоже любовь, как и последующая, почему же сила этих существ одну любовь разрушает, а другую порождает? Ведь прежде всего эта сила должна была бы спасти первую на

том основании, что каждая причина любит свое следствие и, любя первую, спасает и вторую". На этот вопрос можно легко ответить; действие этих небесных созданий - любовь; а так как спасать любовь они могут только в тех существах, которые подчиняются их круговращению, то они переносят ее из области, которая им не подвластна, в ту, которая им подчинена, иначе говоря, из души, ушедшей из этой жизни, в душу, в ней пребывающую³. Подобно этому, человеческая природа переносит человеческую сущность от отца к сыну⁴, сохраняя ее, так как свои проявления она не может навсегда сохранить в отце. Я говорю "проявления", ибо душа и тело, соединенные вместе, являются действием первой; душа, покинув тело, постоянно пребывает в природе, превышающей естество человеческое. Так разрешается вопрос.

И так как здесь я коснулся бессмертия души, я позволю себе небольшое отступление; ведь, рассуждая о бессмертии, хорошо будет закончить разговор о той живой, блаженной Беатриче⁵, о которой я в этой книге, как было мною решено, говорить больше не намереваюсь. Я утверждаю, что из всех видов человеческого скотства самое глупое, самое подлое и самое вредное верить, что после этой жизни нет другой; в самом деле, если мы перелистаем все сочинения как философов, так и других мудрых писателей, все сходятся на том, что в нас есть нечто постоянное. Об этом, по-видимому, и хочет сказать Аристотель в книге "О душе"⁶; об этом же имел намерение говорить каждый стоик, так утверждает и Туллий⁷, особенно в своей малой книге "О старости". Об этом стремится сказать и любой поэт, придерживающийся языческой веры. Так учат и представители разных религий: иудеи и сарацины, татары и многие другие, живущие согласно тому или другому закону. Если бы все они ошибались, последовало бы нечто настолько невозможное, что даже повесть об этом была бы ужасна. Всякий уверен, что человеческое существо самое совершенное из всех других существ в этом дольном мире; этого никто не отрицает. Аристотель в двенадцатой книге "О животных"⁸ подтверждает, что человек самое совершенное из всех животных. Несомненно, что многие живущие целиком смертны, подобно неразумным скотам, и, пока существуют, лишены надежды на другую жизнь, но если бы наша надежда была пустой, то несовершенство наше оказалось бы большим, чем любого другого животного. Заметим также, что было уже много людей, жертвовавших этой жизнью ради жизни иной. Если бы самое совершенное животное, а именно человек, оказалось бы самым несовершенным - что невозможно, - его разум, высшее его совершенство, сделался бы для него причиной величайшего его изъяна, между тем очевидно, что утверждать следует как раз обратное. Разве из отрицания бессмертия не следовало бы, что природа вселила надежду в человеческие умы наперекор самой себе, поскольку уже говорилось, что многие выбрали смерть тела, чтобы жить в другой жизни. Предположить что-либо подобное невозможно.

Мы видим также постоянно подтверждение нашего бессмертия в вещих снах⁹, которые не могли бы возникать, если бы в нас не было хотя бы частицы бессмертия. То, что служит откровением истины, должно быть бессмертным, будь оно телесным или бестелесным, если только с должной проницательностью в это вдуматься, - я говорю "телесным или бестелесным", имея в виду различные мнения, которые мне встречались. Поистине то, что получает импульс или, вернее, сведения от непосредственно осведомляющего, должно быть соразмерно этому осведомляющему, однако между смертным и бессмертным никакой соразмерности не существует¹⁰. Все это подтверждается непреложным учением Христа, которое есть путь, истина и свет. Путь, ибо через него мы без помех достигаем блаженства этого бессмертия. Истина, ибо она не терпит никакого заблуждения. Свет, ибо он освещает нас во мраке мирского невежества. Учение это вселяет в нас уверенность превыше всех других доводов, ибо дал его нам Тот, Кто видит и измеряет наше бессмертие. Бессмертия же мы не можем видеть в совершенстве, поскольку в нас бессмертное смешано со смертным, видим же мы его в совершенстве через веру, а через разум мы видим его сквозь мутную тень, которая возникает от смешения смертного с бессмертным. Учение это должно служить самым мощным доказательством в пользу того, что в нас существует и то и другое. Я верую, я исповедую, я убежден, что после этой жизни перейду в другую, лучшую, туда, где живет эта прославленная дама, в которую

душа моя была влюблена в то время, когда в ней протекала борьба, как о том будет сказано в следующей главе.

IX.

Возвращаясь к комментарию, я говорю, что в той строфе, которая начинается словами: "Противоречья разрушает он..." - я намереваюсь раскрыть, о чем моя душа рассуждала внутри меня, а именно о борьбе прежних моих помыслов с новыми. И прежде всего я вкратце раскрываю причину ее жалоб, когда говорю: "Противоречья разрушает он / И мысль смущенную, что говорила / О юном ангеле на небесах". Это и есть та особая мысль, которая "в скорбющем сердце... жила" и оживляла его. Далее, когда я говорю: "Душа рыдает, скорбь ее пленила", я показываю, что душа моя все еще лелеет эту мысль и что речь ее грустна, и говорю, что произносит она слова, сокрушаясь и как бы дивясь такому внезапному превращению: "Чем утешитель добрый мой смущен, / Зачем бежит?" - сказала вся в слезах..." Она имеет полное право говорить "утешитель", ибо во время великой ее утраты¹ мысль о том, что дама вознеслась на небо, даровала ей великое утешение. Затем, извиняя самого себя, я говорю, что изменился весь мой помысел, то есть моя скорбящая душа, и обратила свои слова против моих очей. И это выражено в строках: "...и о моих промолвила глазах: / "Зачем на них взглянула эта дама?". Затем следуют три укора. Сначала она клянет тот час, когда дама эта их увидела. Надлежит вспомнить, что, хотя в глаз одновременно проникают многие предметы, но лишь тот предмет, который доходит до точки зрачка по прямой линии, видим по-настоящему и только он запечатлевается в воображении². И это потому, что нерв, по которому пробегает зрительный дух, туда направлен. Поэтому глаз человека не может по-настоящему увидеть глаз другого иначе, как если он им же будет увиден; в самом деле, подобно тому как видящий глаз получает изображение в зрачке по прямой линии, точно так же и его изображение достигает видимого им глаза по той же прямой линии; и много раз в направлении той же прямой спускает с лука стрелу тот, для кого всякое оружие сподручно³. Поэтому, когда я говорю, что "на них взглянула эта дама", это все равно как если бы я сказал, что ее и мои глаза встретились⁴.

Душа моя также осуждает глаза за их непослушание: "Зачем не верила словам о ней?" После чего она переходит к третьему укору и говорит, что не себя должна она осуждать за отсутствие осторожности, а глаза - за их непослушание; недаром она, рассуждая иной раз об этой даме, повторяла: "В глазах ее, мнится мне, сосредоточена власть надо мной; если бы только она нашла путь, чтобы ко мне проникнуть". Эта мысль выражена в следующих словах: "В ее очах сокрыт, владыка дней..."⁵ И следует верить тому, что душа моя сознавала свою готовность воспринять воздействие дамы и опасалась этого воздействия, ибо влияние активного начала находит себе почву в предрасположении начала пассивного, как говорит Философ во второй книге "О душе". Если бы воскб обладал способностью бояться, он больше боялся бы солнца, чем камень, так как предрасположение воска - сильнее воспринимать воздействие солнечных лучей.

Наконец, душа признается, что самоуверенность очей была опасной, говоря: "И сил во мне, как перед смертью, нет / Не созерцать меня палящий свет". Не созерцать, говорит она, того, о ком она сказала ранее: "...разит стрелою..." Так заканчиваются ее слова, и на них отвечает новая мысль, как это будет разъяснено в следующей главе.

X.

Мы показали, каков смысл той части, в которой говорит душа, а именно - прежняя, уже изжившая себя мысль. Теперь, следуя по порядку, надлежит обнаружить смысл той части, в которой речь ведет новый, противоположный ей помысел; вся эта часть уместается в строфе, начинающейся: "Ты не

мертва..." Часть эта для лучшего уразумения делится на две половины: в первой противоборствующий помысел уличает душу в трусости, а затем приказывает уличенной душе, что она должна делать во второй половине, которая начинается со слов: "Смотри, смиренный облик дамы мил"¹.

Итак, новый помысел говорит, подхватывая последние слова души: "Неправда, что ты умерла; тебе кажется, что ты мертва, по причине замешательства, в которое ты трусливо впала при появлении этой дамы". Здесь следует отметить, что, по словам Бэция² в его "Утешении", "ни одна внезапная перемена не наступает без некоторого духовного сдвига", а это и хочет сказать новый помысел, уличающий прежний. Он назван "любовным малым духом"³, чтобы дать понять, что мое согласие склонило меня к даме. Таким образом, все становится более понятным и познается победа нового помысла, говорящего даже "моя душа", с ней сближаясь. Затем новый помысел указывает уличенной душе, что она должна делать, чтобы прийти в себя:

"Смотри, смиренный облик дамы мил.

И сострадательна, и куртуазна...";

поистине смирение и сострадание - лучшие средства от страха, которым охвачена душа. Эти добродетели, особенно в сочетании друг с другом, позволяют питать твердую надежду на их источник, в особенности сострадание, чей свет вызывает свет любой иной добродетели. Недаром Вергилий, рассказывая об Энее, как наивысшую похвалу применяет к нему эпитет "сострадательный"⁴. Но это не та жалость, которую имеют в виду простые люди, то есть горе о чужой беде, являющееся, скорее, особым воздействием на нас этой беды, то есть милосердием, неотделимым от страсти. Сострадание - это не страсть, а некое благородное расположение духа, способное воспринять любовь, милосердие и другие любвеобильные чувства, которые человек питает к своему ближнему.

Далее новый помысел говорит душе: "Посмотри, насколько она куртуазна". Тем самым он называет три добродетели⁵, которые, поскольку мы можем их приобрести, делают человека особенно приятным. Он говорит "премудрая"; поистине что может быть в женщине прекраснее, чем мудрость. Он говорит "куртуазная"; ничто так не украшает даму, как куртуазность. И пусть по поводу и этого слова не заблуждаются бедные простаки, воображающие, что куртуазность не что иное, как щедрость; щедрость лишь особая разновидность куртуазии, а не куртуазия вообще! Куртуазность и порядочность - одно; а так как в старые времена добродетели и добрые нравы были приняты при дворе, а в настоящее время там царят противоположные обычаи, слово это было заимствовано от придворных и сказать "куртуазность" было все равно что сказать "придворный обычай". Если бы это слово позаимствовали от дворов правителей, в особенности в Италии, оно ничего другого не означало бы, как гнусность. Он говорит: "Величия полна". Мирское величие, которое здесь разумеется, особенно бывает к лицу, когда ему сопутствуют обе названные добродетели, ибо оно проливает на человека свет, ясно обнаруживающий в нем добро и зло. И сколько мудрости и сколько добродетельных помыслов остается в тени за неимением этого света! И сколько грязи и сколько пороков обнаруживается при этом свете. Лучше было бы для несчастных, безумных, глупых и порочных сильных мира сего, если бы они пребывали в состоянии ничтожества, тогда ни в этой жизни, ни после смерти не вызвали бы они столько проклятий. Поистине о них говорит Соломон в Екклесиасте: "Есть и другой недуг, худший из всех виденных мною под солнцем: богатства, сберегаемые во вред их хозяину"⁶. Затем дух этот повелевает моей душе называть эту даму своей госпожой, обещая душе, что она возрадуется, когда познает ее добродетели; и так она говорит:

"...пусть над тобою властвует она
И будет в чудесах многообразна".

И ничего иного он не возвещает в этой строфе. Этим исчерпывается буквальный смысл канцоны, в которой я обращаюсь к небесным сознаниям⁷.

XI.

Наконец, согласно тому, что о буквальном смысле было сказано в настоящем комментарии в то время, когда я эту канцону делил на части, я обращаюсь к самой канцоне. Желая, чтобы меня лучше поняли, я говорю, что такое обращение в канцоне называется "торната"¹ [посылка], потому что те исполнители, которые впервые ввели эту форму в обиход, создали ее для того, чтобы, когда канцона вся пропета, можно было частично повторить ее напев. Однако я редко сочинял с этой целью такого рода "повороты" и редко - так, чтобы другие это заметили,- согласовывал их со строением самой канцоны, принимая во внимание ритм, необходимый для музыки. Я сочинял "поворот" лишь тогда, когда для украшения канцоны необходимо было еще что-то сказать независимо от ее содержания, что видно и в этой моей канцоне, и в других. Поэтому я в настоящее время и утверждаю, что возвышенное содержание и красота в каждом ораторском произведении друг от друга отделены и отличны; ибо возвышенное содержание - в смысле, а красота - в словесном украшении²; и то и другое связано усладою, хотя возвышенное содержание радуется прежде всего. Так как возвышенное и доброе содержание этой канцоны было труднодоступным для многих, особенно по той причине, что я ввел разные персонажи, в ней говорящие, что требует изощренности в разумении, а красота канцоны всем очевидна; поэтому мне кажется, что надлежит обращать больше внимания на прекрасное, чем на доброе и возвышенное, о чем я и говорю в этой части.

Но так как часто случается, что прямое увещание кажется зазнайством, ритор в некоторых случаях обращается к слушателям не непосредственно, но как бы относя свои слова к кому-либо другому. Я здесь придерживаюсь именно этого способа; поскольку слова обращены к канцоне, а я имею в виду людей. Итак, я сказал: "Я полагаю, о канцоне, что немногочисленны те, кто правильно тебя поймут. Во-первых, потому, что ты выражаешься "затруднительно"³ по причине, указанной выше; во-вторых, потому, что ты выражаешься с резкой силой"; я говорю "резкой", имея в виду новизну сообщаемого. Далее, я увещаю ее: "Если ты невзначай попадешь в такое место, где есть люди, которые, как тебе кажется, сомневаются в твоей правоте, не смущайся, но скажи им: "Так как вы не видите возвышенного моего содержания, обратите по крайней мере внимание на мою красоту"". Я хочу лишь сказать: "О люди, не могущие проникнуть в смысл этой канцоны, не отвергайте ее; но обратите внимание на ее красоту, великую в ее конструкции, которая подлежит суждению грамматиков, на последовательность ее речей, которую должны оценить риторы, на ритмические деления, касающиеся музыкантов". Все это в ней ясно видно, если посмотреть надлежащим образом. Таков буквальный смысл первой канцоны, которая и разумелась как первое яство.

XII.

Так как буквальный смысл в достаточной степени уяснен, следует перейти к изложению смысла аллегорического, или истинного¹. Поэтому, снова возвращаясь к началу, я скажу, что, как только я потерял первую радость моей души, о которой упоминалось выше, меня охватила такая тоска, что всякое утешение было бессильно. Однако через некоторое время мой ум, искавший исцеления, решил, убедившись в бессилии уговоров, как собственных, так и чужих, вернуться к тому способу,

к которому прибегали для утешения многие отчаявшиеся; и я принялся за чтение книги Боэция, известной лишь немногим², которой он себя утешил, пребывая в заключении и будучи всеми отвергнут. Услыхав также, что Туллий написал книгу³, в которой, рассуждая о дружбе, стремился утешить достойнейшего мужа Лелия по поводу смерти его друга Сципиона, я принялся читать и ее. И хотя мне поначалу трудно было проникнуть в смысл этих книг, я наконец проник в него настолько глубоко, насколько позволяло мне тогдашнее мое знание грамматики и скромные мои способности; благодаря этим способностям я многое как бы во сне уже прозревал, что можно заметить в "Новой Жизни"⁴. И подобно тому, как бывает, что человек в поисках серебра неожиданно находит золото, даруемое ему сокровенной причиной, быть может не без воли Божией, я, пытаясь себя утешить, нашел не только лекарство от моих слез, но также списки авторов, наук и книг. Изучив их, я правильно рассудил, что философия, госпожа этих авторов, повелительница этих наук и книг, - некое высшее существо. И я вообразил ее в облике благородной жены и не мог представить ее себе иначе как милосердной. Поэтому истинное зрение во мне любовалось ею столь охотно, что я едва мог отвести от нее взоры. И под действием [этого] воображения я стал ходить туда, где она истинно проявляла себя, а именно в монастырские школы и на диспуты философствующих. В короткий срок, примерно в течение тридцати месяцев, я стал настолько воспринимать ее сладость, что любовь к ней изгоняла и уничтожала всякую иную мысль. Поэтому, чувствуя, что от мысли о первой любви я возношусь к добродетели новой, я, как бы дивясь, начал говорить и произнес вышеупомянутую канцону, в которой я иносказательно обнаруживал свое собственное состояние. Для дамы, к которой я восчувствовал любовь, не существовало на народном языке достойной стихотворной формы, к которой я мог бы обратиться, да и слушатели не были достаточно подготовлены, чтобы легко воспринять невымышленные слова⁵; к тому же они и не поверили бы моим неизмысленным словам, выражающим истину, как поверили бы вымышленному повествованию, ибо все верили, что я расположен любить земную даму, а не Философию⁶. Итак, я произнес:

"Вы, движущие третьи небеса,

Их разумея..."

После того как было сказано, что дама - дочь Творца, царица всего сущего, благороднейшая и прекраснейшая Философия, следует рассмотреть, кто были упомянутые двигатели и каково третье небо. И сначала, следуя по порядку, скажу о небе. Здесь нет нужды объяснять, разделяя на части и толкуя буквально, обратив слова от их звучания к их смыслу; при помощи уже разъясненного значения их и так станет вполне ясным.

ХШ.

Тот, кто желает понять, что разумеется под "третьим небом", должен сначала проникнуть в смысл произносимого мною слова "небо"; только тогда он увидит, отчего и зачем понадобилось это "третье небо". Под словом "небо" я разумею науку, а под словом "небеса" - науки¹ на основании трех признаков, общих как небесам, так и наукам, а также сообразно их порядку и числу, в чем они, по видимому, совпадают, как это станет ясно при рассмотрении слова "третье".

Первое сходство - это обращение и небес, и наук вокруг некоего неподвижного своего средоточия. Ведь каждое подвижное небо вращается вокруг средоточия, которое в отношении своего движения неподвижно; равным образом каждая наука вращается вокруг своего предмета, который, однако, приводит в движение не она, ибо ни одна наука не доказывает свой предмет, но лишь открывает

его². Второе сходство - это освещающее действие и небес, и наук, ибо каждое небо освещает видимые вещи и точно так же каждая наука освещает вещи, постигаемые умом. Третье же сходство - дарование совершенства вещам, к совершенству предрасположенным. Что касается этого дара, поскольку он относится к первому совершенству³, а именно субстанционального зарождения, все философы сходятся в том, что всему причина - небеса, хотя понимают это по-разному: иные приписывают зарождение его небесным двигателям⁴, как, например, Платон, Авиценна и Альгазель⁵; иные звездам, в особенности в отношении человеческих душ, как Сократ, Платон и Дионисий Академик⁶, а иные небесной силе, заключенной в естественной теплоте семени, как Аристотель и другие перипатетики⁷. Подобным образом и науки являются причинами приобщения нас к совершенству вторичному⁸; благодаря предрасположению к ним мы можем размышлять об истине, которая и есть наше высшее совершенство, как говорит Философ в шестой книге "Этики", когда он утверждает, что истина есть благо разума. Из-за этих и многих других черт сходства наука и может именоваться "небом". Теперь следует разъяснить, почему говорится "третье небо". Для этого необходимо рассмотреть сопоставление, проводимое между порядком небес и порядком наук. Дело в том, что, как уже говорилось выше, первые от нас семь небес - это небеса планет; далее над ними - еще два подвижных неба, а над всеми - еще одно, покоящееся. Семи первым небесам отвечают семь наук тривиума и квадравиума⁹, а именно - Грамматика, Диалектика, Риторика, Арифметика, Музыка, Геометрия и Астрология. Восьмой же сфере, звездной, соответствует наука о Природе, именуемая Физикой, и первонаука, именуемая Метафизикой¹⁰; девятой сфере соответствует наука о нравственности¹¹, а покоящемуся небу соответствует наука божественная, которую называют Богословием. Причину этого распорядка надлежит вкратце рассмотреть.

Я утверждаю, что небо Луны похоже на Грамматику благодаря двум свойствам, позволяющим их сравнивать. В самом деле, если хорошо приглядеться к Луне, то на ней видны две особенности, присущие только ей и невидимые на других звездах: одна - тень, находящаяся на ней, которая есть не что иное, как местная разреженность ее тела¹², в которой лучи Солнца не могут заканчивать свой путь и от которой они не могут отражаться, как это случается в других, незатененных ее частях; вторая - это изменчивость ее свечения, которое проявляется то с одной стороны, то с другой, в зависимости от освещенности Луны Солнцем. Этими двумя свойствами обладает и Грамматика: благодаря ее безграничности лучи разума в ней не заканчивают свой путь, в особенности в области словаря; а светит она то отсюда, то оттуда, поскольку некоторые слова, некоторые спряжения и некоторые построения находятся в употреблении, хотя их раньше и не было, а многие, некогда существовавшие, в будущем еще появятся, как говорит Гораций в начале своей "Поэтики"¹³, утверждая, что "многие слова, в свое время погибшие, возродятся".

Небо Меркурия можно сравнивать с Диалектикой благодаря двум ее свойствам. Первое свойство следующее: Меркурий - самая маленькая звезда на небе, ибо длина ее диаметра не превышает двухсот тридцати двух миль, по расчетам Альфрагана¹⁴, утверждающего, что диаметр Меркурия составляет одну двадцать восьмую часть земного диаметра, равного шести тысячам пятистам милям. Второе свойство Меркурия заключается в том, что солнечные лучи обволакивают его больше, чем любую другую звезду¹⁵. Оба эти свойства находим и в Диалектике. В самом деле, Диалектика по объему своему меньше любой другой науки, так как она в законченном виде представлена и обоснована в текстах, которые содержатся в "Старом искусстве" и в "Новом искусстве"¹⁶. И она более затуманена, чем всякая другая наука, поскольку в наибольшей степени использует софистические и не вполне достоверные аргументы.

Небо Венеры может сравниться с Риторикой благодаря двум свойствам: ясности ее облика, приятного для зрения, превышающего ясность любой другой звезды, и ее появления и утром и вечером. Оба эти свойства присущи и Риторике, из всех наук наисладчайшей, а к услаждающему

она и стремится. Появляется Риторика утром, когда ритор говорит в присутствии слушателей, или позже, вечером, когда он в письмах обращается к тем, кто находится далеко¹⁷.

Небо Солнца можно сравнить с Арифметикой на основании двух свойств. Во-первых, потому, что все другие звезды получают жизнь от света; во-вторых, потому, что глаз не может смотреть на Солнце. Оба эти свойства обнаруживаются и в Арифметике: в самом деле, все науки освещаются ее светом¹⁸, ибо предметы всех наук рассматриваются в связи с тем или другим числом и при рассмотрении их всегда применяется число. Подобно тому как в науке о природе предметом служит подвижное тело, именно это подвижное тело включает понятие непрерывности, каковое в свою очередь включает еще понятие бесконечного числа; наиглавнейшая же ее задача заключается в рассмотрении начал природных предметов, а таковых начал три, а именно материя, противоположность формы и сама форма, в которых число и проявляется¹⁹. Если должным образом во всех тонкостях это продумать, число есть не только во всех вещах вместе взятых, но и в каждой в отдельности; недаром, по словам Аристотеля в первой книге "Физики", Пифагор полагал чет и нечет началами всех природных вещей, считая, что все на свете есть число²⁰. Второе свойство Солнца также обнаруживается в числе, которому посвящена Арифметика: действительно, око разума не может его увидеть, ибо число, рассматриваемое в себе, - бесконечно, а этого мы познать не можем.

Небо же Марса можно сравнить с Музыкой по причине двух его свойств. Первое из них - его наилучшее положение относительно других светил, ибо, перечисляя подвижные небеса, откуда бы ни начинать - то ли от самого низкого, то ли от самого высокого, - небо Марса пятое, занимающее среднее положение между всеми остальными²¹, а именно между первыми, вторыми, третьими и четвертыми. Второе свойство - Марс [как говорит Птолемей в сочинении "О четырех частях"²²] все иссушает и сжигает, так как жар его подобен огненному, поэтому он и кажется огненно-красного цвета, иногда в большей, а иногда в меньшей степени, в зависимости от плотности или разреженности паров, его сопровождающих. Пары эти часто сами по себе воспламеняются, как установлено в первой книге "О Метеорах"²³. Недаром Альбумазор пишет, что воспламенения этих паров предвещают смерть царям и смену царств, ибо таковы действия влияния Марса. Сенека говорит, что перед смертью императора Августа он заметил на небе огненный шар; а во Флоренции накануне ее гибели было видно в воздухе огромное крестообразное скопление паров, сопутствующих звезде Марса²⁴. Оба этих свойства присущи Музыке, целиком построенной на соотношениях, как это видно в гармонизированных словах и в песнях, гармония которых тем сладостнее, чем прекраснее соотношения. Гармония же прекрасных связей в наивысшей степени свойственна именно этой науке. К тому же Музыка привлекает к себе духов человеческого сердца, которые являются как бы его испарениями; слыша музыку, они почти прекращают другую свою деятельность, настолько душа, когда она внимает звукам, становится нераздельной²⁵, и сила всех чувств как бы сосредоточивается в духе, воспринимающем звук.

Небо Юпитера можно сравнить с Геометрией, сопоставляя следующие два их свойства: первое - это то, что Юпитер движется между двумя небесами, между небом Марса и небом Сатурна, противоборствующими его прекрасной умеренности; поэтому Птолемей в упомянутой книге и говорит, что Юпитер - звезда склада умеренного между холодом Сатурна и жаром Марса; второе же свойство - то, что среди прочих звезд он кажется белым, как бы серебристым²⁶. Геометрия также движется между двух противоположностей, а именно точки и окружности. Замечу, что я употребляю термин "окружность" в широком смысле, имея в виду все округлое, будь то тело или поверхность. По словам Эвклида, точка есть начало поверхности, окружность же - самая совершенная фигура в Геометрии²⁷, являющаяся также предельной. Таким образом. Геометрия движется между точкой и окружностью как между началом и пределом, и они противоречат ее

достоверности; ибо точка, будучи неделимой, измерению не подлежит, окружность же, будучи дугообразной, не может быть в совершенстве квадрирована, а потому и не может быть в точности измерена²⁸. К тому же Геометрия предельно бела, поскольку она не запятнана ни единой ошибкой и в высшей степени достоверна как сама по себе, так и в лице своей служанки, именуемой Перспективой²⁹.

Небо Сатурна имеет два свойства, из-за которых его можно сравнить с Астрологией: одно из них - [это] медленность его движения через двенадцать знаков Зодиака³⁰, так как время его обращения, согласно писаниям астрологов, требует двадцати девяти лет с лишним; другое его свойство - то, что он выше всех остальных планет. И оба эти свойства наличествуют и в Астрологии: в самом деле, чтобы завершить ее круг, то есть ее познать, необходим значительнейший промежуток времени; [доказательств] и необходимых опытных наблюдений в ней больше, чем в любой другой из названных выше наук. Она выше всех остальных наук, ибо, как говорит Аристотель в начале книги "О душе", наука возвышается благородством своего предмета и своей достоверностью³¹. Эта наука более чем какая-либо другая из вышеназванных наук благородна и возвышенна, ибо изучает движения неба; к тому же она возвышенна и благородна своей достоверностью, которая безупречна, как проистекающая из совершеннейшего и строжайшего начала. И если иной и допускает в ней какой-нибудь недостаток, то недостаток этот не в астрономии, но, как говорит Птолемей, в нашем нерадении, которому и следует его приписывать.

XIV.

После сравнений семи первых небес надлежит перейти к остальным, которых три, как уже не раз сообщалось. Поистине небо звезд можно сравнить с Физикой на основании трех свойств и с Метафизикой - на основании трех других¹. Оно обнаруживает свою сущность в двух явлениях: во-первых, в множестве звезд; во-вторых, в Млечном Пути, открывая нам то белое кольцо, которое простонародье называет Дорогой Святого Якова. Небо звезд показывает нам один из своих полюсов, другой же от нас таит². Нам видно одно его движение - с востока на запад, а другое - с запада на восток - почти что вовсе от нас скрыто³. Таким образом, следуя по порядку, надлежит сначала рассмотреть сравнение с физикой, а потом - сравнение с Метафизикой.

Небо звезд являет нам множество звезд⁴: согласно наблюдениям египетских мудрецов, они, включая последнюю звезду, увиденную ими в полдень, насчитывают тысячу двадцать два звездных тела, о которых я и веду речь. В этом отношении небо звезд обладает величайшим сходством с Физикой, если только внимательно приглядеться к этим трем числам, а именно два, двадцать, тысяча. Число "два" обозначает местное движение, связывающее одну точку с другой. Число же "двадцать" обозначает движение изменяющееся. Действительно, невозможно подняться выше десятки иначе как изменяя ее при помощи остальных девяти цифр или при помощи ее самой. Самое прекрасное ее изменение то, которое она получает от самой себя; первое получаемое таким образом изменение и есть двадцать, поэтому разумно обозначать названное движение именно этим числом. Число же "тысяча" указывает на движение наращающееся; уже само название, а именно "тысяча", говорит о том самом большом числе, которое невозможно наращивать иначе как умножая его. И только эти три движения и рассматривает Физика, как это доказывается в пятой главе первой ее книги.

Благодаря Млечному Пути это небо очень похоже на Метафизику. Надо помнить, что философы придерживались о Млечном Пути самых различных мнений. Так, пифагорейцы учили, что Солнце несколько раз сбивалось со своего пути и, проходя по местам, не подходящим для его зноя, сжигало то, к чему оно приближалось, и оставляло на небесах подобие ожога. Я же полагаю, что они

исходили из мифа о Фазтоне, рассказанного Овидием в начале второй книги "Метаморфоз". Другие, как Анаксагор и Демокрит, говорили, что Млечный Путь не что иное, как свет Солнца, отражаемый в этом небе, и не раз подтверждали свое мнение разными доказательствами. О том, что говорил Аристотель по этому поводу, толком узнать невозможно, так как его мнения ни в старом, ни в новом переводе не найти⁵. Я думаю, что это ошибка переводчиков, ибо в новом переводе Аристотель как будто говорит, что дело идет о скоплении паров под звездами, которые всегда влекут эти пары за собой; такое мнение, по-видимому, лишено истинного основания. В старом же переводе Философ говорит, что Млечный Путь не что иное, как множество неподвижных звезд, настолько мелких, что различить их мы не можем. От них исходит белое свечение, которое мы называем Млечным; и возможно, что небо в этой своей части плотнее, а потому задерживает и воспроизводит солнечный свет. Это мнение, по-видимому, разделяют с Аристотелем и Авиценна, и Птолемей⁶. Так как Млечный Путь является порождением тех звезд, которых мы не можем видеть и которые познаваемы только через их действия, и так как Метафизика рассуждает о первичных субстанциях, которые мы также не можем познать иначе как через их действия, становится очевидным, что небо звезд имеет большое сходство с Метафизикой.

Заметим также, что под видимым полюсом разумеется чувственно воспринимаемое явление, о котором как о всеобщем рассуждает физика; под невидимым же полюсом разумеются сущности, лишённые материи, которые чувственно невоспринимаемы и о которых рассуждает Метафизика. Вот почему названное небо имеет большое сходство как с той, так и с другой наукой. Отсюда следует, что под двумя движениями разумеются обе эти науки. В самом деле, движение, которое небо звезд ежедневно совершает в своем обращении, всякий раз начиная от одной и той же точки, обозначает подверженные тлению создания природы, которые ежедневно совершают свой путь, а также материю, которая изменяется, переходя из одной формы в другую; о них и рассуждает физика. А через едва воспринимаемое движение, которое небо звезд совершает с запада на восток на один градус в сто лет, обозначаются создания нетленные, сотворенные изначально Богом, им же нет конца - о них и рассуждает Метафизика. Я утверждаю, что под этим движением разумеются нетленные сущности потому, что это круговращение началось, но конца его не видно; в самом деле, конец круговращения есть возвращение в ту же точку, к которой, следуя второму движению, небо звезд никогда не вернется. Ибо от начала мира оно обратилось немногим больше чем на шестую часть; мы находимся уже в предельном возрасте нашего века и с уверенностью ожидаем свершения небесного движения⁷. Итак, очевидно, что небо звезд по многим свойствам может быть уподоблено и Физике и Метафизике.

Кристалльное небо, которое выше было названо Перводвигателем, имеет очевидное сходство с Нравственной Философией; в самом деле, согласно тому, что говорит Фома по поводу второй книги "Этики", Нравственная Философия определяет для нас порядок других наук⁸. Ибо, как пишет Философ в пятой книге "Этики", правосудие определяет изучение наук⁹ и повелевает не оставлять уже изученное; не так ли и названное небо своим движением упорядочивает суточное обращение всех остальных, благодаря чему все эти небеса ежедневно получают [и передают] Земле всю совокупность своего воздействия. Если бы обращение Кристалльного неба не упорядочивало движение небес, лишь небольшая часть влияния отдельных небес проникала бы к нам, дольным. Нельзя предположить, что девятое небо неподвижно¹⁰, так как если бы оно было неподвижно, то третья часть неба звезд была бы сокрыта от наших взоров во всех частях земли и Сатурн был бы в течение четырнадцати с половиною лет невидим в любом месте на земле; Юпитер скрывался бы чуть ли не в течение шести лет; Марс - почти целый год; Солнце - в течение ста восьмидесяти двух дней и четырнадцати часов (я говорю о днях, то есть о количестве времени, ими измеряемом); Венера и Меркурий скрывались и появлялись бы примерно так же, как Солнце, а Луна пряталась бы от всех людей на четырнадцать с половиною дней. И поистине не было бы на земле ни размножения, ни животной или растительной жизни; не было бы ни ночи, ни дня, ни недели, ни месяца, ни года, но вся Вселенная лишилась бы порядка и движение других небес совершалось бы понапрасну.

Точно так же, если бы перестала существовать Нравственная Философия, другие науки были бы на некоторое время скрыты от нас и не было бы ни деторождения, ни счастливой жизни, а науки были бы написаны втуне и напрасно найдены в древнейшие времена. Таким образом, достаточно очевидно, что Кристальное небо по своей сущности сравнимо с Нравственной Философией.

Наконец, заметим, что по своей сущности небо Эмпирей¹¹ своей умиротворенностью похоже на Божественную науку, которая преисполнена миролюбия; она не терпит ни спора мнений, ни хитроумных доказательств благодаря высочайшей истине своего предмета, а ее предмет - Бог. И об этой истине Учитель и говорил своим ученикам: "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам"¹², даруя и завещая им Свое учение, которое и есть та наука, о которой я говорю. О ней говорит и Соломон: "Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа. Но единственная - она, голубица моя, чистая моя"¹³. Все науки он называет царицами, наложницами и девицами; эту же науку он называет голубицей, ибо она не опорочена спорами, и ее же он называет самой чистой, ибо она позволяет в чистоте лицезреть истину, в которой душа наша находит себе успокоение. И потому, после того как было проведено сравнение между небесами и науками, можно убедиться, почему я под третьим небом разумею Риторику, которая и была уподоблена третьему небу, как это явствует из предыдущего.

XV.

Из высказанных выше сопоставлений можно усмотреть, кто именно те двигатели, к которым я обращаюсь. Они подобны Бэцию и Туллию¹, которые направили меня сладостью своих речей на путь любви, то есть на путь изучения благороднейшей дамы Философии, озарив меня лучами их звезды, то есть письменным изложением Философии, ибо несомненно, что в каждой науке ее письменное изложение есть светосная звезда, ее озаряющая. Убедившись в этом, нетрудно уяснить себе истинное значение первой строфы предложенной канцоны через истолкование ее вымышленного, то есть буквального, смысла². И при помощи такого же истолкования можно в достаточной степени понять и вторую строфу, начиная с того места, где говорится:

"Другую даму должен я хвалить.

Дух говорит..."

Здесь надо помнить, что дама эта - Философия; она поистине - дама, исполненная сладости, украшенная благонаравием, удивительная своим познанием, прославленная своей щедростью, как это будет с очевидностью показано в третьем трактате, где будет обсуждаться ее благородство. А там, где в канцоне говорится:

"В ней путь к сиянью рая.

Кто не боится вздохов и трудов,

Всегда глядеть в ее глаза готов".

Глаза этой жены - ее доказательства, которые, будучи направлены на очи разума, влебляют в себя душу, освобожденную от противоречий. О вы, сладчайшие и несказанные видения, мгновенно пленяющие человеческий ум и появляющиеся в очах Философии, когда она беседует с теми, кто возлюбил ее! Поистине в ее очах - спасение, дарующее блаженство тому, кто их лицезреет, и

оберегающее от смерти в невежестве и в пороках. Там же, где говорится: "Кто не боится вздохов и трудов..." - должно понимать: если он не боится трудностей наук и спора сомнений, которые с самого начала возникают и множатся от взглядов этой жены, а потом, под действием постоянного, исходящего от нее света, рассеиваются, как утренние облака перед ликом солнца; и, наконец, разум, привыкший к ее взорам, становится свободным и полным уверенности, подобно воздуху, очищенному и озаренному полуденными лучами.

Третью строфу можно понять при помощи буквального толкования, начиная с того места, где говорится: "Душа рыдает..." Здесь следует обратить внимание на назидательность, заключенную в этих словах: ради большего друга человек не должен забывать услуги, полученные им от меньшего; если же ему все-таки приходится следовать за одним и покинуть другого, лучше при разлуке прибегнуть к какой-либо благопристойной жалобе, которая объяснила бы тому, за кем он следует, причину большей к нему любви. Затем там, где душа говорит: "...и о моих промолвила глазах", она ничего другого не хочет сказать, кроме того, что страшен был час, когда первое явление этой дамы отразилось в очах моего разума, что и послужило ближайшей причиной новой влюбленности. А когда она говорит: "...подобных мне..." - разумеются души, свободные от жалких и низких наслаждений и от низменных привычек, одаренные гением и памятью³. Потом она говорит: "...как перед смертью..." - а потом: "...меня палящий свет", что как будто противоречит тому, что говорилось выше о дарующем спасение взгляде этой дамы. Поэтому надо знать, что здесь говорит одна из сторон, а там говорила другая; они спорят, противореча друг другу, как это было уже показано. Неудивительно, что там говорится "да", а здесь "нет", если только внимательно следить за тем, кто спускается и кто подымается⁴.

Далее, в четвертой строфе, там, где сказано: "...любовный малый дух..." - разумеется мысль, которая рождена моими занятиями наукой. Впрочем, надо знать, что в этой аллегории под любовью всегда разумеются научные занятия, которые и есть прилежание души к тому, во что она влюблена. Затем, когда душа говорит:

"Пусть над тобою властвует она
И будет в чудесах многообразна",

она возвещает, что благодаря этой даме станет зримой краса чудес; и она говорит правду, ибо видеть красу чудес - значит видеть причину этих чудес; эту причину и открывает дама; так, видимо, думает и философ, который в начале "Метафизики" говорит, что люди, чтобы узреть эту красоту, начали влюбляться в упомянутую даму. О значении слова "чудеса" будет сказано более подробно в следующем трактате. Все остальное в этой канцоне будет достаточно разъяснено в дальнейшем ее толковании. Итак, я в конце второго трактата говорю и утверждаю, что дама, в которую я влюбился после первой моей любви, была прекраснейшая и достойнейшая дочь Повелителя Вселенной, которую Пифагор именовал Философией⁵. Здесь кончается второй трактат [который предназначен истолковать канцону], поданную в качестве первого яства.